

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ ПОСЛЕ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА: ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ С УЧАСТИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОЛЬШИ В ЭМИГРАЦИИ

В.В. ВАСИЛЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

Автор рассматривает последние попытки урегулирования польского вопроса на международной арене после трагического поражения Варшавского восстания 1944 г. с участием польского правительства в эмиграции. Особое внимание уделяется политике Великобритании, которая после разрыва дипломатических отношений по инициативе СССР с лондонскими польскими властями в апреле 1943 г. нередко была вынуждена выступать в качестве представителя польских интересов.

Ключевые слова: польский вопрос, Великобритания, У. Черчилль, Советский Союз, И.В. Сталин, Польский комитет национального освобождения.

В годы Второй мировой войны судьба Польши в послевоенной Европе была предметом, пожалуй, самых острых дискуссий среди ведущих держав антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании – по сравнению с вопросами урегулирования относительно других стран восточной части Центральной Европы.

Важной вехой в развитии польского вопроса в военные годы стало трагическое Варшавское восстание 1944 г., отчаянная и неудавшаяся попытка польского правительства в эмиграции и, прежде всего, лояльных ему сил подполья воспрепятствовать созданию просоветской Польши. С одной стороны, данное восстание, вызвавшее большой резонанс в мире и в англо-саксонских странах в частности, спровоцировало резкую риторику со стороны Великобритании и США, адресованную советскому руководству, и, казалось бы, снижение их уровня отношений с Советским Союзом. С другой – одним из главных итогов восстания было заметное уменьшение значения правительства Польши в эмиграции (лондонского), что, безусловно, повлияло на обсуждение и выработку вариантов урегулирования польского вопроса.

В связи с этим представляют интерес попытки найти приемлемое решение польского вопроса после Варшавского восстания, а именно, последние попытки с непосредственным участием польского правительства в эмиграции. В дальнейшем урегулирование данного вопроса фактически станет монополией держав «Большой тройки». При этом мы, безусловно, уделим особое внимание политике Великобритании, на территории которой правительство Польши в эмиграции находилось большую часть войны; эта держава после разрыва дипломатических отношений по инициативе СССР с лондонскими польскими властями в апреле 1943 г. нередко была вынуждена выступать в качестве представителя польских интересов, а после поражения Варшавского восстания ее стремление достичь урегулирования в польском вопросе еще более усилилось.

События Варшавского восстания вызвали резонанс в британском обществе и, конечно, всколыхнули многочисленную польскую диаспору. Вполне в данном русле были заявления правительства Великобритании (наряду с США) советскому руководству; отношения осложнились.

Вместе с тем обострение британо-советских отношений в связи с вопросом помощи повстанцам в Варшаве, по всей видимости, не оказало значительного влияния на британскую политику по отношению к СССР. Так, это не нашло никакого отражения в обсуждении в Форин Оффис вопроса отношения к Советскому Союзу и, в частности, перспектив послевоенного взаимодействия двух держав. Во внешнеполитическом ведомстве Великобритании доминировало мнение о необходимости сотрудничества после войны.

В этой связи высказывались, например, предложения о пересмотре и усилении договора от 26 мая 1942 г.¹ 18 августа глава Центрального департамента Ф. Робертс отмечал, что военная безопасность в Европе может быть обеспечена только при сотрудничестве с Россией². Довольно показательным представляется следующее мнение. 10 августа сотрудник Северного департамента Дж. Вильсон писал, что Великобритании в отношениях с СССР необходимо четко обозначить свои жизненные интересы, в частности, в ближневосточной нефти и безопасности коммуникаций в Восточном Средиземноморье; неизбежным следствием этого автор считал признание «российских жизненных интересов в Восточной Европе»³.

В то же время проблема урегулирования польского вопроса теперь стояла как никогда остро. Ясно обозначилась перспектива существования двух польских правительств – одного, признаваемого западными союзниками, а другого – Советским Союзом. Основным итогом поражения Варшавского восстания 2 октября стало значительное ослабление польских «лондонских» властей. На территории Польши, при советском содействии, активизировалась работа по становлению просоветской администрации. Главным образом, при помощи НКВД шла ликвидация подпольных структур, подчинявшихся эмигрантскому правительству. Советское руководство оказывало активную помощь Польскому комитету национального освобождения (ПКНО)⁴ в организации власти, используя в полной мере фактор военного присутствия⁵. Это вызывало сильное беспокойство британского руководства, которое было наиболее тесно связано с польскими эмигрантскими властями. В этой ситуации британский премьер У. Черчилль был вынужден фактически взять на себя разрешение польского вопроса путем переговоров с И.В. Сталиным. В этом контексте вряд ли можно согласиться с мнением, высказанным Дж. Котовидисом и Дж. Рейнольдсом, о том, что дальнейшие попытки Черчилля решить польский вопрос объясняются некоторым ростом влияния Великобритании на польскую политику Сталина, который был обусловлен ее отношениями с эмигрантским правительством⁶.

Британское руководство испытывало беспокойство в связи с ростом советского влияния в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, который был напрямую связан с продвижением Красной Армии в данном регионе. В связи с этим вставал вопрос о принципах сотрудничества, который требовал скорейшего разрешения. Это находило отражение, например, в уже упоминавшихся дискуссиях в Форин Оффис, а также среди военного руководства. Доминировало мнение о необходимости сотрудничества, однако вставал вопрос о способе его реализации. Во внешнеполитическом ведомстве Великобритании поднимался вопрос о целесообразности организации регулярных переговоров на уровне штабов в рамках британо-советских союзнических отношений⁷. В подкомитете (штабе) послевоенного планирования⁸ высказывалась точка зрения о необходимости удовлетворения «разумных требований» СССР в регионе Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, если советское руководство не будет противиться требованиям британского правительства в отношении важных для него регионов⁹. В целом после провала «пакета» Форин оффис для данного региона на Московской конференции в октябре 1943 г.¹⁰, который исходил из принципа совместной ответственности за Европу, в плани-

¹ Post-war collaboration with Russia. June–October 1944 // The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–45 / Ed. by G. Ross. Cambridge; N.Y., 1984. P. 157–166.

² Minute by Roberts. 16 August 1944 // Ibid. P. 163.

³ Minute by Wilson. 10 August 1944 // Ibid. P. 162.

⁴ Манифест о создании ПКНО был провозглашен в г. Хелм 22 июля 1944 г. См. подробнее о целях И.В. Сталина и польских коммунистов при образовании данного комитета: Носкова А.Ф. Сталин, польские коммунисты и создание Польского комитета национального освобождения // Славяноведение. 2008. № 3. С. 3–21.

⁵ Карпов А.В. Советский Союз и возникновение «народной власти» в Польше // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 28–30.

⁶ Coutouvidis J., Reynolds J. Poland 1939–1947. Leicester, 1986. P. 102.

⁷ Post-war collaboration with Russia. June–October 1944 // The Foreign Office and the Kremlin. P. 162.

⁸ Штаб послевоенного планирования состоял при Объединенном комитете начальников штабов Великобритании.

⁹ Effects of Soviet policy on British strategic interests. 6 June 1944 // The Foreign Office and the Kremlin. P. 167–168.

¹⁰ См. подробнее: Василенко В.В. Федеративные планы в отношении региона Центрально-Восточной Европы в политике польского и чехословацкого правительств в эмиграции и Великобритании, 1939–1943 гг. //

ровании наблюдается тенденция к урегулированию путем обозначения сфер влияния, хотя по-прежнему достаточно широко распространена идея о необходимости трехстороннего взаимодействия. В этом контексте разрешение весьма сложного польского вопроса было особенно важным, поскольку затрудняло формулировку британской политики по отношению ко всему региону. Как показали дальнейшие события, взгляды премьера находились в русле данных дискуссий, однако Черчилль нашел своеобразный способ определения принципов британо-советского сотрудничества в более важном для Великобритании регионе Юго-Восточной Европы (ЮВЕ).

В начале октября, то есть вскоре после поражения Варшавского восстания, представительная британская делегация во главе с Черчиллем направилась в Москву. Британский премьер уже в ходе своей первой встречи со Сталиным 9 октября выступил с инициативой урегулировать польский вопрос, испросив разрешения советского лидера на прибытие представителей правительства Польши в эмиграции – премьер-министра С. Миколайчика, министра иностранных дел Т. Ромера и председателя Рады Народовой С. Грабского. Сталин выразил согласие предпринять еще одну попытку, отметив необходимость их переговоров с представителями ПКНО. Заручившись поддержкой советского лидера относительно обсуждения польского вопроса с участием «лондонских» поляков, Черчилль выступил с предложением урегулирования британо-советского сотрудничества в ЮВЕ по принципу разделения сфер влияния, которое стало известно впоследствии как «процентное соглашение». Не вызывал сомнения интерес британского премьера во влиянии в Греции. Секретарь министра иностранных дел Великобритании Э. Идена П. Диксон писал впоследствии: «...никто из нас не хотел думать о Польше, в то время Греция особенно занимала все наши мысли»¹¹. Сталин фактически принял соглашение, предложенное Черчиллем, и в дальнейшем, как небезосновательно считают ряд исследователей, в своей политике в данном регионе в целом придерживался его условий¹². В этом контексте представляется справедливым мнение видного британского ученого Дж. Робертса, что, по сути, это соглашение означало признание принципа: «страна или страны, которые предприняли оккупацию, и должны контролировать» данную территорию¹³. Это непосредственно касалось и Польши. Очевидно, замысел Черчилля состоял в том, чтобы оставить ее, наряду с Чехословакией, в сфере влияния СССР. В то же время применение этого принципа не означало отказа от сотрудничества и взаимодействия – идея, довольно отчетливо присутствовавшая тогда в планах трех союзных держав¹⁴. Как следствие, важным был вопрос о приемлемости влияния в глазах союзников. На наш взгляд, именно в этой связи и рассматривался польский вопрос.

Британский премьер, фактически отказавшись от идеи влияния в Восточно-Центральной Европе как неосуществимой, стремился к достижению приемлемого для союзных правительств и западного общественного мнения разрешения польского вопроса. Таковым Черчилль считал на данном этапе создание временного польского правительства на основе соглашения между эмигрантскими властями и ПКНО, которое в сложившихся условиях можно будет представить как выражающее интересы польского народа. Впоследствии было необходимо проведение свободных выборов. На наш взгляд, определенную роль в политике Черчилля играло и личное желание максимально учесть в сложившихся обстоятельствах интересы руководства Польши в эмиграции, которое было союзником Великобритании в ходе всей войны, а сформированные им вооруженные силы по-прежнему воевали на фронтах вместе с британскими частями. Это отчасти вырождалось и в более решительной позиции британского премьера по вопросу расширения территории Польши за счет Германии по сравнению с точкой зрения Форин Оффис, что проявилось в ходе его визита в Москву. Однако представляется сомнительным его выска-

Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Выпуск 14. 2010. № 7 (78). С. 90-97.

¹¹ Цит. по: Rothwell V. Britain and the Cold War, 1941–1947. L., 1982. P. 174.

¹² См., напр.: Наринский М.М. Европа: проблема границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 90.

¹³ Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 89.

¹⁴ См., напр.: Мировые войны XX века. Кн. 3: Вторая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. М., 2002. С. 291-305.

зывание о возможности включения Штеттина в состав Польши – по-видимому, Черчилль поддержал Сталина в ходе переговоров только для того, чтобы убедить «лондонских» поляков придти к соглашению¹⁵. В своих мемуарах британский премьер однозначно заявляет, что всегда был противником польско-германской границы по Западной Нейсе¹⁶. Точку зрения Форин Оффис в октябре 1944 г. можно проиллюстрировать словами Робертса: «Британское общественное мнение уже отреагировало весьма неодобрительно на идею, что Польша должна быть расширена до Одера, и нам предстоит проделать немало работы, примиряя британское общественное мнение даже с меньшей компенсацией...»¹⁷.

В то же время эмигрантское руководство явно не отдавало себе отчет в серьезности сложившейся ситуации. Миколайчик, понимавший, что наступил переломный момент в решении судьбы Польши и рассматривавший возможность компромисса с СССР, был явно в меньшинстве. Эмигрантские власти в это время разрабатывали и далеко идущие проекты, оторванные от реальности. Так, в октябре была одобрена инициатива военных властей о проведении переговоров с британским правительством по вопросу двустороннего сотрудничества в регионе Балтийского моря. В конце октября в ходе реализации этого предложения состоялась беседа сотрудника польского посольства в Великобритании Ю. Вейтко с главой Центрального департамента Ф. Робертсом. Заинтересованность польского эмигрантского правительства в сближении политической линии по вопросу безопасности на Балтике с точкой зрения британского правительства по данному вопросу не встретила отклика. Робертс подчеркнул взаимосвязь этого вопроса с переговорами великих держав, в том числе британо-советскими, которые проходили в Москве. Как следствие, представитель Форин Оффис отметил преждевременность обсуждения этого вопроса¹⁸.

Тем временем в Польше наблюдается обострение внутривнутриполитической обстановки. Происходит ужесточение курса новой власти по отношению к своим политическим оппонентам. Теперь вместо провозглашавшейся недавно политики «открытых дверей» и готовности к конструктивному диалогу объявлялась пропагандистская война, которая сопровождалась усилением репрессивных мер по отношению к оппозиционным силам, прежде всего членам Армии Крайовой (АК). Этот поворот отмечается большинством историков. В этой связи необходимо выделить точку зрения И.С. Яжборовской, которая убедительно доказывает, что это изменение политики было обусловлено, прежде всего, внедрением сталинских рекомендаций в работу ПКНО. Они не оставляли поля для маневра группе во главе с В. Гомулкой, стремившейся расширить поддержку среди иных партий и населения¹⁹. Как следствие, уменьшились возможности для соглашения с эмигрантскими властями.

В ходе переговоров в Москве Миколайчику были предъявлены уже известные условия²⁰ – признание конституции 1921 г. как основы для новой власти и линии Керзона в качестве основы для советско-польского разграничения, также был поднят вопрос о необходимости немедленного проведения аграрной реформы в стране, – однако теперь практически в ультимативной форме. При этом основным по-прежнему являлся вопрос восточной границы Польши. Черчилль прилагал все усилия для того, чтобы добиться согласия делегации эмигрантского правительства на советские требования. Так, оказывая давление на Миколайчика, он подчеркивал в ходе заседаний поддержку британским правительством советской позиции по границе, проводил частные беседы с лондонскими

¹⁵ Запись заседания с представителями польского правительства в Лондоне. 13 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 447.

¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 530. Безусловно, с помощью этого тезиса в своих мемуарах Черчилль проводит мысль о том, что на Потсдамской конференции он (в противовес Эттли) смог бы отстоять меньшие приращения Польши за счет Германии.

¹⁷ Цит. по: Rothwell V. Op. cit. P. 175.

¹⁸ Pismo E. Raczynskiemu. 6 października 1944; Pismo J. Weytko E. Raczynskiemu. 30 października 1944 // Archiwum Akt Nowych. Ambasada RP w Londynie, 1919–1945. Sygnatura. 1612. S. 43-46

¹⁹ Яжборовская И.С. «Согласовать со Сталиным» (Советско-польские отношения и проблема внутреннего устройства Польши в конце 1943–начале 1945 г.) // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 57-59.

²⁰ Миколайчик и другие представители правительства Польши в эмиграции были на переговорах в Москве в начале августа 1944 г.

поляками, которых он характеризовал как «приличных, но немощных глупцов»²¹. В результате он смог добиться лишь признания Миколайчиком линии Керзона в качестве демаркационной, что не устраивало советского лидера. Сталин не выказывал готовности к компромиссу. Более того, весьма активно в переговорах с Черчиллем и лондонскими поляками вела себя делегация ПКНО. Так, в ходе заседания 13 октября при поддержке Сталина фактически солировал председатель Крайовой Рады Народовой (КРН) Б. Берут, предъявляя претензии польскому эмигрантскому руководству²². Черчилль в письме королю охарактеризовал люблинских поляков²³ как «холопов», которых «еще свет не видел»²⁴. Разочарованный итогами переговоров по польскому вопросу, британский премьер считал, что их необходимо возобновить «через три недели». Он связывал этот срок с окончанием президентских выборов в США, надеясь, очевидно, получить американскую поддержку в данном вопросе²⁵. Однако Миколайчик обоснованно опасался, что его согласие принять советские требования в полном объеме, включавшие и урегулирование отношений с ПКНО, который квалифицировался эмигрантскими властями как «типичное марионеточное правительство»²⁶, будет равносильно его отставке. В результате он заявил о необходимости консультаций с правительством.

По итогам переговоров в Москве Миколайчик пришел к выводу, что у польского эмигрантского правительства не остается иной альтернативы, кроме признания советских требований. 27 октября, выступая перед Национальным советом, он подчеркивал: «без признания линии Керзона и ... учета советского престижа по вопросу Комитета Национального Освобождения у нас нет возможности урегулировать польско-советские отношения». В этом русле он также привлек внимание к существованию единого британо-советского фронта по вопросу польской восточной границы при «пассивной, до настоящего времени, позиции США»²⁷. Нужно отметить, что позиции премьера в правительстве были непрочными. Это было обусловлено отчасти и недавним смещением Соснковского с поста верховного главнокомандующего. В то время он мог рассчитывать лишь на поддержку людовцев²⁸, отчасти социалистов и партии труда. Также его неизменным сторонником был Грабский, однако и его позиции были шаткими. В своем выступлении Миколайчик также фактически обозначил задачи, которые правительство могло бы осуществить в сложившейся ситуации. Он отмечал необходимость расширения территории Польши за счет Германии, обозначая благоприятные перспективы в достижении этой цели, и обеспечения Польше максимально возможной степени независимости, которая была, как он подчеркивал, важнее границ²⁹. Однако его точка зрения не нашла поддержки среди членов совета. В целом в польском эмигрантском руководстве доминировало мнение, что оно должно заявить решительный протест новому разделу Польши, более того, именно это и должно было побудить союзников к действию³⁰.

Вместе с тем Миколайчик, сталкиваясь с непримиримой позицией оппонентов по вопросу о восточной границе, не терял надежды на достижение приемлемого для правительства урегулирования с СССР, рассчитывая в этом на поддержку Соединенных Штатов. Он был встревожен заявлением Молотова о согласии американского президента с линией Керзона в качестве советско-польской границы, которое прозвучало на конференции в Тегеране. В середине октября он апеллировал к Рузвельту с просьбой высказать американскую позицию по вопросу польской восточной границы, а также оказать влияние на Сталина с целью передачи Польше Львова и нефтяных месторождений Восточной Галиции, давая понять, что без последнего урегулирование отношений с СССР невоз-

²¹ Черчилль – королю Георгу VI. 16 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 487.

²² Запись заседания 13 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 448-458.

²³ ПКНО получил название Люблинского комитета, поскольку начал свою деятельность в Люблине.

²⁴ Черчилль – королю Георгу VI. 16 октября 1944 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 487.

²⁵ Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. // Там же. С. 456, 487.

²⁶ Дзенник польски и дзенник жолнежа. 1944 г. 27 июля // Архив внешней политики РФ. Ф. 0122. Оп. 266. П. 228. Д. 12. Л. 25.

²⁷ Цит. по: Dymarski M. Op. cit. P. 395.

²⁸ Члены крестьянской партии (Строннитство людове), одним из лидеров которой был Миколайчик.

²⁹ Dymarski M. Stosunki wewnętrzne wśród polskiego wychodźstwa politycznego i wojskowego we Francji i w Wielkiej Brytanii, 1939–1945. Wrocław, 1999. S. 395.

³⁰ Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski, 1919–1945: Od Wersalu do Jałty. Lublin, 1998. S. 421.

можно³¹. Однако надежды не оправдались. В ответном послании, переданном Миколайчику Гарриманом 22 ноября, президент США лишь повторил свою позицию о невозможности гарантировать какие-либо конкретные границы, в то же время обозначая свою возможную поддержку по вопросу компенсации Польше за счет Германии. Правда, американский посол в СССР был уполномочен сделать заявление относительно Львова³². В руководстве Польши в эмиграции после получения сообщения Миколайчика о позиции Рузвельта возобладало мнение, что не следует спешить с разрешением данного вопроса, поскольку успешные действия на западном фронте могут усилить позиции англосаксонских держав, в том числе и в польском вопросе³³. В этой ситуации премьер принял решение уйти в отставку и вернуться в правительство только тогда, когда будет уверен в его поддержке.

Уход в отставку Миколайчика 24 ноября историки обоснованно связывают с определенным переломным моментом в развитии польского вопроса – теперь переговоры польского эмигрантского правительства с СССР и ПКНО были вряд ли возможны. Не случайно Э. Стеттиниус, исполнявший в то время обязанности госсекретаря, писал президенту: «отставка Миколайчика, по нашему мнению, сделает польский вопрос еще более острым и трудным»³⁴. Важно отметить, что отставка Миколайчика с поста премьера сопровождалась и уходом его однопартийцев из правительства. Как следствие, эмигрантские власти теряли поддержку весьма значимой в Польше, даже в условиях насаждения коммунистического режима, крестьянской партии. Непосредственным результатом этого стало значительное уменьшение значения лондонского правительства как для союзников, так и для СССР и польских коммунистов. Премьером польского эмигрантского правительства был назначен прибывший из Польши социалист Т. Арцишевский, настроенный против соглашения с СССР. В своей политике он был вынужден ограничиться протестами против политики великих держав и, прежде всего, Советского Союза по отношению к Польше.

THE POLISH QUESTION ON THE INTERNATIONAL ARENA AFTER THE WARSAW RISING OF 1944: LAST ATTEMPTS AT A SETTLEMENT WITH PARTICIPATION OF THE POLISH EXILED GOVERNMENT

V.V. VASILENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

The author considers the last attempts of the Polish question settlement on the international arena after the Warsaw Rising of 1944 with participation of the Polish exiled government. Special attention is given to the policy of Great Britain who after the USSR's break of diplomatic relations with the Polish London authorities on the former's initiative fairly often had to represent the Polish interests.

Keywords: the Polish question, Great Britain, Winston Churchill, the Soviet Union, Josef Stalin, the Polish Committee of National Liberation.

³¹ The Polish Ambassador (Ciechanowski) to the Acting Secretary of State. 18 October 1944 // FRUS. 1944. Vol. 3. P. 1329-1330.

³² President Roosevelt to the Prime Minister of the Polish Government in Exile (Mikolajczyk), at London. 17 November 1944 // Ibid. P. 1334-1335.

³³ Dymarski M. Op. cit. P. 397.

³⁴ The Acting Secretary of State to President Roosevelt. 25 November 1944 // FRUS. 1944. Vol. 3. P. 1339.